

Влияние Новокрещенской конторы на миссионерскую деятельность в пределах Вятской и Великопермской епархии

Орлов Максим Александрович

кандидат исторических наук, Петербургский лицей.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. В истории России XVIII в. Новокрещенская контора занимает особое место. С одной стороны, это был орган церковного управления, созданный для организованного ведения миссионерской деятельности в Волго-Уральском регионе. С другой стороны, Новокрещенская контора являлась уникальным проектом по управлению народами указанного региона в рамках формирующейся Российской империи. Процесс образования поликонфессиональной империи начался после покорения Иваном Грозным Казанского ханства. Включение народов Поволжья и Приуралья в общероссийское правовое и культурное пространство требовало не только административных мер и развития хозяйственных связей, но и просветительской работы, христианизации нерусского населения большого многоэтнического региона. Создание Новокрещенской конторы и активная миссионерская деятельность увеличили численность православного населения Российской империи. Это был значительный шаг по сближению славян с финскими и тюркскими народами Волго-Уральского региона. В пределах Вятско-Камского региона осуществлялись схожие процессы. Вместе с тем миссионеры Вятской и Великопермской епархии действовали достаточно автономно от Новокрещенской конторы. Во многих случаях организация новокрещенских приходов и финансовое обеспечение миссии осуществлялись силами вятского епархиального руководства. Влияние Новокрещенской конторы на ход миссионерской деятельности в пределах Вятской епархии выразилось в приезде миссионеров, присылке церковной утвари и общей организации миссии.

Ключевые слова: Новокрещенская контора, Вятка, миссия, христианизация, Вятско-Камский регион.

Общая характеристика периода и конторы. В исторической литературе православная миссия во время деятельности Новокрещенской конторы оценивается по-разному. Одни рассматривали учреждение Новокрещенской конторы как значительный шаг вперед в деле христианизации народов России. Обоснование следующее: миссионеры получили внушительную поддержку от государства, была выработана правильная организация миссии, продуман план всестороннего насаждения Христовой веры среди язычников и мусульман Поволжья и Приуралья [1; 7; 8; 44]. Существует полярный взгляд, в основе которого лежат затронутые религиозные и национальные черты народов Волго-Камского региона. Встречается утверждение, что Новокрещенская контора – это «типичный орган военно-бюрократической системы полицейского абсолютистского государства, построивший свою деятельность на насилии и принуждении» [5, с. 24], что контора оставила «драматический след на страницах истории и “скрижалях” сознания народов края» [6, с. 4].

Оба взгляда поражают своей непримиримостью. Первый отражает интересы православных миссионеров, рассматривая христианизацию как дело просвещения «иноверных» истинной верой. Второй является показателем настроений и взглядов народов Волго-Камского региона, стремящихся сохранить национальные традиции и веру предков. Любые действия, совершенные царским правительством и православным духовенством, априори выставляются как враждебные. Поэтому подобные работы зачастую являются скорее настроением или впечатлением, нежели аналитическим исследованием. Под покровом науки авторы решали насущные вопросы своего времени, в частности, пытались доказать правомерность выхода некоторых субъектов из состава Российской Федерации [4]. Исторические факты группировались в нужном направлении: из виду упускалось то, что не встраивалось в сценарий сюжета.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть деятельность Новокрещенской конторы как уникального проекта организации миссии в рамках отдельно взятого региона – Вятско-Камского края. Цель исследования сводится к изучению степени влияния Новокре-

щенской конторы как особого органа управления религиозным разнообразием Российской империи на ход миссии, развернувшейся в пределах Вятской и Великопермской епархии в середине XVIII в.

Всякий раз, когда речь заходит о православной миссии XVIII в., необходимо обращаться к такому феномену, как государство-модерн, которое начало формироваться во время Петра I. Модернизированное государство стремилось к максимальному охвату народов огромной империи. Поэтому изучение Новокрещенской конторы не может рассматриваться вне контекста процесса империостроительства. Это был своеобразный, можно сказать, уникальный проект по расширению имперского пространства не вширь, а вглубь – распространение правового и культурного влияния центра на окраины.

Волго-Камский регион являлся особым «звеном» в территориальной структуре Российской империи. П. Верт отмечал, что в России данный регион приобретал особое значение, как первое крупное нерусское и нехристианское территориальное приобретение, датируемое завоеванием Казанского ханства в 1552 г. Кроме того, регион был расположен между «славянским ядром» (Slavic core) империи и «чужим пограничьем» (alien borderlands) [46, p. 6]. Несмотря на то, что регион был давно включен в состав Российского государства, к XVIII в. его связи с центром, особенно если речь идет о нерусском населении края, носили в основном фискальный характер. Ю. Л. Слезкин заметил, что до Петра I московское правительство рассматривало нерусское население только с точки зрения выгоды, то есть получения ясака. Только с Петра I правительство стало интересоваться культурной и духовной жизнью всех своих подданных [20, с. 120–121].

В первой четверти XVIII в. нерусское население Волго-Камского региона стало активнее включаться в единое политико-правовое пространство России. На языческое и мусульманское население была распространена рекрутская повинность и подушная подать. Предпринимались попытки христианизации «иноверных». Этот процесс происходил медленно, так как миссия велась силами отдельных лиц. Не хватало постоянно действующего учреждения, основанного на регулярных нормах. При императрице Анне Иоанновне возникает идея создания церковно-государственного учреждения, деятельность которого должна была направляться на продвижение православия среди язычников и мусульман в рамках огромной территории, от Волги до Урала. Таким образом, идея модернизации проникает в православную миссию, занимая место прежних принципов распространения православия, когда оно принималось под влиянием личного примера святого подвижника или близкого сожительства с русским населением.

В этом значительном историческом факте важен следующий момент: миссия стала проводиться «сверху», при значительной поддержке государства, тогда как прежде она инициировалась отдельными личностями, как правило, монашествующими, которые вкладывали в дело личное обаяние и симпатию. Значительное огосударствление миссии заложило противоречия в ее развитие: с одной стороны, численность православных в России значительно возрастала, открывалось много новокрещенских приходов, ставших впоследствии фундаментом дальнейшей христианизации народов Волго-Уральского региона; с другой стороны, такая крупная правительственная акция неизбежно порождала неумеренность в увеличении числа новокрещенных, что отражалось на качестве «материала», а также случаях нарушения правил добровольного крещения, то есть принуждении к принятию христианства.

При изучении православной миссии второй трети XVIII в. есть момент, на который стоит обратить внимание. Когда речь заходит об интеграции народов Российской империи, необходимо учитывать, что люди того времени не мыслили категориями современной исторической науки. Для них, особенно церковных иерархов, распространение христианства было делом богоугодным, духовной обязанностью просвещать «тьнь смертную». Включение же «иноверцев» в общеимперское пространство являлось результатом этой деятельности, а не самоцелью. Поэтому мы не можем согласиться с выводами о том, что христианизация *служила* процессу интеграции народов Российской империи в единую политическую систему [45, с. 36]. Нельзя, конечно, отрицать, что миссионерская деятельность нередко являлась таким средством. Но при этом вряд ли есть основания рассматривать процесс христианизации с сугубо политической точки зрения. Многие миссионеры и даже чиновники искренно полагали, что миссия есть дело просветительское, обязанность русского народа – принести евангельское учение «иноверным». В 1749 г. архимандрит Сильвестр (Гловатский) в донесении Св. Синоду писал, что новокрещеным необходимо неукоснительно предоставлять льготы, дарован-

ные царской властью, для того чтобы прочие «иноверцы» «из тьмы идолотворского заблуждения и вечной гибели в свет познания истины Христовой и к наследию вечного живота, приведены были» [17, л. 19 об. – 20]. Вятская духовная консистория предписывала проповедникам, чтобы они «в том богоугодном деле поступали... не тако ради воздаяния временного или хвалы за число приведенных к вере» [43, л. 2–4].

Особый орган власти для христианизации народов Волго-Уральского региона появился в 1731 г. под названием «Комиссии для крещения Казанских и Нижегородских мусульман и других инородцев». В 1734 г. Комиссия была переименована в Кантору новокрещенских дел [8, с. 10]. Следующий этап реорганизации был связан с изданием 11 сентября 1740 г. императрицей Анной Иоанновной указа, согласно которому произошла смена руководства Канторы. Было существенно скорректировано законодательство, связанное с распространением христианства среди народов Поволжья и Приуралья. С того времени в делопроизводстве все чаще употребляется выражение «Новокрещенская кантора», которое и вошло впоследствии в историческую литературу для обозначения органа церковного управления, созданного для распространения православия между народами Волго-Уральского региона.

Первые связи Новокрещенской канторы с вятским епархиальным руководством отмечены в 1739 г. Осенью этого года из Новокрещенской канторы в Вятку были присланы две промемории. Одна из них была отправлена в Верхочепецкий Воздвиженский монастырь. В ней сообщалось о крещении в Казани удмурта Гаврила Федорова. От Верхочепецкого монастыря Новокрещенская кантора требовала отдать новокрещеного удмурта «искусному священнику из бельцов» для обучения «молитвам и хождению в церковь». Вслед за этой промеморией в Хлыновскую провинциальную канцелярию была направлена другая промемория, с просьбой о предоставлении крещеному удмурту Гавриле налоговой льготы, а также выдаче ему денежного жалованья [35, л. 6–11].

В промемориях Новокрещенской канторы есть две неточности. Несколько раз в качестве игумена Верхочепецкого Воздвиженского монастыря назван некий Симеон. Но человека с таким именем, как заметил игумен Герасим, «во оном монастыре никогда не бывало». Вторая ошибка была связана с неверным наименованием Вятской и Великопермской епархии, которая была именована «Хлыновской епархией» [35, л. 6–7]. Вятское епархиальное руководство пыталось использовать указанные промемории с целью предоставления льгот новокрещеным. В деле о крещении удмуртов деревень Сибирской и Еловской Вятский духовный приказ перечисляет царские указы о даровании льгот принявшим православную веру, а также ссылается на «промеморию, присланную из Казани, из Канторы новокрещенских дел» [36]. Подобные упоминания есть и в других делах о крещении удмуртов [37; 38].

Вятская провинциальная канцелярия на тот момент подчинялась Казанской губернской администрации, поэтому ссылки на «казанский прецедент» должны были иметь силу для провинциальной канцелярии. Однако местная гражданская власть в первое время не предоставила льгот новокрещеным. Духовное и гражданское ведомства различно понимали, лучше сказать, толковали указы центральной власти. Для духовных властей предоставление льготы рассматривалось как стимул к принятию православной веры. Духовное ведомство было убеждено, что царская власть стоит на стороне миссионеров, а местные чиновники нарушают царскую волю. Светская власть была убеждена, что со своей стороны также отстаивает интерес верховной власти, ибо старается не допустить недоимки при сборе налогов и рекрутов для российской армии. Эта ситуация показывает, что в середине XVIII в. в государственном устройстве отсутствовал единый механизм реализации проектов (в данном случае миссионерского) центральной власти.

По мере географического расширения поля деятельности миссии, контакты Новокрещенской канторы с вятским епархиальным руководством усиливались. Они выразились в следующих направлениях: в приезде в Вятку руководителей канторы, в координировании Новокрещенской канторой основных направлений вятской миссии, посредничестве при распределении денежных средств и церковной утвари для обеспечения новокрещенских приходов.

Приезд миссионеров. В середине XVIII в. Вятку посетило несколько миссионеров, посланных Новокрещенской канторой: иеромонах Вениамин (Григорович), архимандрит Свяжского Богородицкого монастыря Сильвестр (Гловацкий), а также игумен Кизического монастыря Евмений (Скаловский). Первым в Вятку приехал иеромонах *Вениамин (Григорович)*. На тот момент он являлся помощником главы Новокрещенской канторы архимандрита Димитрия (Сеченова). Иеромонах Вениамин не знал языков народов Вятского края, поэтому в

качестве помощника ему был определен посадский г. Хлынова Тимофей Трефилов. Масштаб миссионерской деятельности иеромонаха Вениамина оказался невелик. Он посетил удмуртов села Дебес и, возможно, ближайшей к селу округи. Результатом этой миссионерской поездки было крещение 171 удмурта [21, с. 147].

Более значимый вклад в развитие вятской миссии оказал архимандрит *Сильвестр (Гловацкий)*. В миссионерских поездках по Вятской епархии его сопровождал священник Феодор Ившин, хорошо владевший удмуртским языком. Вятский епископ Варлаам (Скамницкий) рапортовал в Св. Синод, что при участии архимандрита *Сильвестра* в христианскую веру было обращено «до пяти тысяч душ» [15, л. 32]. В 1746 г. архимандрит Сильвестр сообщил епископу Варлааму, что в Слободском уезде с 1 января по 1 сентября того года крещено «до десятка тысяч душ» одних только мужчин, не считая женщин [16, л. 22–23 об.]. Архимандрит Сильвестр надеялся, что новокрещеных будет еще больше: «имеет он о Бозе надежду, что сего же года и все отяки того уезду (Слободского – авт.) крещение святое восприимут» [15, л. 55–55 об.]. Стоит заметить, что архимандрит Сильвестр и в других епархиях в процессе миссионерской деятельности проявлял большую активность. О его энтузиазме говорит следующее предание. Будучи в с. Перняги, архимандрит Сильвестр крестил всех марийцев этой местности [2, л. 127 об.]. В 1749 г. он доносил в Св. Синод, что в этот год «по призыванию и увещанию моему обще с помощники при проповеди слова Божия разных губерний и народов иноверцев обоих полов святым крещением просвещено шестнадцать тысяч пять сот шесть душ» [16, л. 91].

Какими приемами при обращении вятских «иноверцев» пользовался архимандрит Сильвестр, по имеющимся источникам сказать непросто. П. Н. Луппов без указаний на источник писал, что архимандрит Сильвестр приезжал в Вятку «для чтения увещательных грамот» [7, с. 146]. Историк предположил, что архимандрит с целью склонения язычников к христианству использовал увещательные грамоты. В период активного миссионерства середины XVIII в. многие миссионеры использовали царские грамоты, в которых обещались различные льготы тем, кто пожелал бы креститься [2, л. 130]. Указаний об использовании архимандритом Сильвестром «увещательных грамот» в источниках не имеется. Однако вряд ли стоит сомневаться, что этот миссионер, зарекомендовавший себя как поборник повсеместного предоставления льгот новокрещеным, не преминул воспользоваться таким способом для привлечения к православию и вятских «иноверцев».

Архимандрит Сильвестр как миссионер был фигурой далеко не однозначной. Он считал, что христианство может распространяться не только силой убеждения, но и с помощью административного ресурса, даже при отсутствии согласия креститься. Его миссионерские усилия не обходились без нарушений государственных законов и церковных правил. Правительство регулярно напоминало миссионерам, что крещение «иноверцев» должно совершаться по церковным правилам только по добровольному волеизъявлению (можно подтвердить архивом). Когда казанские татары подали жалобу на епископа Луку (Канашевича) о «подневольном» крещении, Св. Синод напомнил епархиальным архиереям о недопустимости подобных мер [18, л. 1–2 об.]. Архимандрит Сильвестр не всегда следовал этим нормам. А. Можаровский отмечал, что миссионер в отношении татар не чужд был «мер стеснительных». В Сибири, будучи митрополитом, он против воли родителей крестил их детей [9, л. 87–88].

Итак, архимандрит Сильвестр был не чужд использовать тривиальные способы распространения христианства среди язычников и мусульман. Но одной этой характеристики мало, чтобы понять роль архимандрита Сильвестра в развитии православной миссии в Вятской епархии. Архимандрит Сильвестр определял места строительства храмов в тех местах, где проживали новокрещеные. В 1745 г. он указал, что необходимо выстроить четыре храма: в Верхнем Укане, деревне Южской, Большом Поломе и деревне Понинской [30, л. 1–1 об.]. Впоследствии в этих местах долгое время находились храмы, в которых регулярно совершалось богослужение, крестины, а духовенство разъясняло, насколько это было возможно, основы христианской веры удмуртскому народу.

В помощь вятским миссионерам приезжал также игумен Кизического монастыря *Евмений*. Согласно донесению епископа Варлаама (Скамницкого) игумен Евмений «в нынешнем 746 году оных же отяков окрестил немалое ж число» [15, л. 84–85]. Этот миссионер не только способствовал распространению христианства, но и выступал третейским судьей в спорах между новокрещеными и духовенством. Так, он инициировал исследование спора между новокрещеными и духовенством с. Дебесы по поводу уплаты руги за венчание [23, л. 229 об.].

Таким образом, миссионеры Новокрещенской конторы внесли достаточно существенный вклад в историю вятской миссии. Но это было именно влияние, а не направление миссионерской деятельности, так как приезжие миссионеры появлялись в пределах Вятской епархии на определенное время, а потому могли лишь корректировать такой сложный процесс, как христианизация язычников и мусульман. Основная работа с местным населением велась архиерейским руководством и приходским духовенством.

В связи с тем, что в состав Вятской и Великопермской епархии входили пермские земли, следует обратиться к вопросу о христианизации данной территории. Так как целью работы было рассмотрение степени влияния Новокрещенской конторы на миссионерскую деятельность Вятской и Великопермской епархии, то нет необходимости исследовать процессы христианизации пермских земель вне связи с деятельностью Новокрещенской конторы. В архиве Вятской духовной консистории нами обнаружен только один документ, в котором выявилось влияние Новокрещенской конторы, это указ священнику очерской Сретенской церкви о необходимости при крещении «иноверцев» подчиняться «управителю конторы Новокрещенских дел». В указе прописывалось крестить «отяков» (удмуртов), живших в окрестностях Очера. В ответном рапорте приходской священник указал, что им, согласно указу духовной консистории, крещено 13 человек [40, л. 1 об.]. В середине XVIII в. состоялась миссионерская поездка игумена Иова (Тукмачева) к чердынским вогулам (манси), результатом которой стало крещение 123 человек [29, л. 799 об.]. Данная миссионерская работа не была связана с деятельностью Новокрещенской конторы, поэтому оставлена без подробного рассмотрения.

Новокрещенская контора выступала в качестве административного центра миссионерской деятельности в Волго-Камском регионе. В некоторых случаях новокрещенцы обращались не в вятский архиерейский дом, а в Новокрещенскую контору, например, при рассмотрении дела о переводе новокрещенных из одного прихода в другой [22, л. 182 об.]. Новокрещенская контора являлась судебной инстанцией в случае возникновения конфликтов между прихожанами и духовенством. Удмурты д. Юскинской (Слободской уезд) подали жалобу в Новокрещенскую контору на местного священника на то, что он берет с них взятки, «чинит обиды», христианской вере не обучает. Удмурты ставили акцент на том, что «они восприяли святое крещение по желанию своему в недавних годех и в христианской вере еще не утверждены», потому просили назначить им другого священника [27, л. 143, 150].

Вятское епархиальное руководство обращалось за помощью в Новокрещенскую контору в тех случаях, когда местные чиновники противодействовали миссионерской деятельности. В 1745 г. Новокрещенская контора послала в Казанскую губернскую канцелярию промеморию, в которой прописывала «не малые обиды», чинимые Слободской воеводской канцелярией в отношении новокрещенных и просила предпринять соответствующие меры по их защите. Новокрещенская контора отмечала, что разорение новокрещенных может их «озлобить» и от христианской веры «отогнать» [42, л. 2–2 об.]. В подобных случаях церковное руководство, независимо от уровня (приходской священник – духовная консистория – епархиальный архиерей – Новокрещенская контора – Св. Синод), зачастую сталкивалось с препятствием в лице гражданского бюрократического аппарата (канцелярист – воевода – губернатор – Сенат). Гражданская власть, призванная обеспечить нормальное функционирование православной миссии, в действительности нередко противодействовала процессу христианизации [11].

Своеобразным структурным подразделением Новокрещенской конторы стала «команда» отставных офицеров и солдат. Она создавалась для обеспечения процесса переселения тех, кто не принимал крещения, а также для защиты миссионеров от нападений со стороны «иноверцев». Во главе этой своеобразной структуры власти долгое время стоял Б. Ярцов. В определенной степени в зависимости от Ярцова находилась хлыновская «команда» отставных солдат. В 1749 г. на имя командующего хлыновской «команды» С. Марданова поступил приказ Б. Ярцова контролировать процесс переселения «некрещенных, ежели живут с крещеными» [31, л. 2].

Судя по архивным документам «команда» военных помогала приходскому духовенству контролировать посещение новокрещеными богослужений [33, л. 2–3]. Данный институт власти был первой попыткой прямого вмешательства гражданской власти в процесс христианизации. После упразднения Новокрещенской конторы полномочия военных перешли к местным канцеляриям – Вятской провинциальной и Слободской воеводской, что видно из донесения Слободского духовного правления о необходимости понуждать новокрещенных «к хождению к славословию Божию» [24, л. 269]. После образования Вятской губернии обязан-

ность оказания помощи в понуждении новокрещенных к посещению церковных служб перешла к губернским властям и являлась неизменной до начала XX в. Таким образом, «команда» явилась первым камнем в создании системы модернизированного государства, стремившегося к максимальному охвату общественной и частной жизни подданных.

Финансовое обеспечение миссии. Новокрещенская контора являлась центром по перераспределению денежных средств, поступавших из государственного бюджета на нужды миссии. Выдача жалованья миссионерам, денежные вознаграждения новокрещеным, финансирование строительства храмов осуществлялось через ведомство Новокрещенской конторы. Вятское епархиальное руководство получало средства из конторы далеко не регулярно и не в полном объеме. П. Н. Луппов отмечал, что установленный правительством порядок, когда деньги перераспределялись Новокрещенской конторой, создавал затруднения для миссионеров. Вятской духовной консистории приходилось регулярно вести переписку с Новокрещенской конторой по вопросу о присылке денежных средств. Однако такая переписка, писал историк, зачастую оказывалась совершенно бесплодной [7, с. 153].

Часто складывалась такая ситуация, когда вятская миссия обеспечивалась за счет средств епархиальной казны. Вятский епископ Вениамин (Сахновский) писал в Св. Синод, что «многие желают воспринять святое крещение, точию требуют жалованья», а так как в Духовной приказ из Новокрещенской конторы денег не получил, то архиерей выдавал из собственных «келейных» тысячу рублей [18, л. 16 об.]. Епископ Вениамин, судя по его обращениям в Св. Синод, неоднократно выделял деньги на нужды миссии [13, л. 1 об.]. В архиве Вятской духовной консистории сохранилось много документов, показывающих, что миссия обеспечивалась в основном средствами вятского архиерейского дома [25, л. 95–95 об.; 26, л. 40; 33, л. 1]. Священник Федор Ившин в 1743 г. просил духовный приказ прислать ему для раздачи новокрещеным 1000 крестов и 200 икон. Миссионер указывал на то, что присланные до того кресты и иконы из «архиерейского дома» все розданы [39, л. 1 об.].

Между руководством Вятской епархии и Новокрещенской конторой велась длительная переписка по поводу присылки денег, необходимых для обустройства новокрещенских приходов, выплаты жалованья духовенству, а также по поводу возврата архиерейских денег, потраченных (затраченных) на миссию. В 1745 г. Вятская духовная консистория послала в Казань стряпчего Успенского Трифонова монастыря Ярофея Носкова с тем, чтобы он исходатайствовал о возврате денег в «вятский архиерейский дом». В Казани стряпчий должен был «требовать от оной Конторы о выдаче издержанных из казенных архиерейских денег тысячи двухсот шестидесяти рублей девятнадцати копеек» [41, л. 180 об.]. Получил ли вятский посланец необходимую сумму денег, неизвестно. В 1749 г. Вятская духовная консистория послала в Новокрещенскую контору промеморию с просьбой прислать денежную сумму, затраченную вятским архиерейским домом на новокрещенские нужды. Новокрещенская контора отвечала, что за прежние годы все в расход употреблено, а потому вернуть нечем [34, л. 1 об.].

П. Н. Луппов отмечал, что сложилась ситуация, когда Вятская епархия из ежегодно посылаемых в Новокрещенскую контору десяти тысяч рублей за все время получила всего 300 рублей [7, с. 154]. В редких случаях духовенство получало жалованье из Новокрещенской конторы [22, л. 475 об.].

История с возвратом потраченных вятскими архиереями денег на миссию затянулась на три десятилетия. Первый запрос в Св. Синод о компенсации был сделан в 1741 г. В Вятку был прислан ответ, что издержанные деньги следует требовать непосредственно от Новокрещенской конторы. Началась длительная и безрезультативная переписка, продолжавшаяся не один десяток лет. Только в 1770 г., когда Новокрещенская контора стала достоянием истории, Св. Синод постановил, что «по нынешним обстоятельствам оные деньги к возвращению уже не следуют. Отослать в архив» [14, л. 187].

Стоит заметить, что проблемы, связанные с финансовым обеспечением, не были характерны только для Вятской епархии. Это была общая проблема, с которой столкнулось руководство всех епархий Волго-Камского региона. Согласно подсчетам Н. В. Никольского, в чувашских новокрещенских приходах за все время существования Новокрещенской конторы священники получили жалованье всего один раз [10, с. 109]. Руководство конторы регулярно обращалось в Св. Синод, что отпускаемых из центра денег на крещение «иногородцев» не хватает. Архимандрит Сильвестр доносил в Св. Синод, что присланная сумма на 1742 г. отпускаема была «по самому малому числу» и то не в полном объеме [18, л. 46–47]. Казанский епископ Лука (Канашевич) в 1755 г. доносил Синоду, что денег, необходимых для раздачу новокреще-

ным, нет, «а оныя новокрещены о произвождении им такового награждения просят» [16, л. 192 об.]. В то время когда уже не существовало Новокрещенской конторы, были произведены расчеты относительно отпускаемых сумм на новокрещенские дела. Оказалось, что за все двадцать три года существования конторы выдано было 126 923 рубля, а в «недосылке» осталось 195 140 рублей [19, л. 27].

Несколько лучше обстояло дело с получением церковной утвари: икон, «сосудов церковных» и колоколов. Священник с. Дебесского писал в духовную консисторию, что Николаевская церковь от Новокрещенской конторы церковной утварью «была удовольствована» [23, л. 175 об.]. Для строительства церкви Преображения в Каринской доле от Новокрещенской конторы были присланы иконы с прочей церковной утварью [23, л. 664 об.]. В 1753 г. Вятская духовная консистория получила из Новокрещенской конторы «святыя иконы и прочую церковную утварь», переправив все это к десяти церквам в «новокрещенские жительствова» [32, л. 9 об.].

В заключение можно сказать, что *влияние Новокрещенской конторы на развитие вятской миссии было значительным, но не определяющим*. Этому есть несколько объяснений. Сказывался географический фактор. Несмотря на кажущуюся близость Вятской и Казанской епархий, сообщения между г. Хлыновом и Свияжском, где располагался штаб Новокрещенской конторы, были затруднены. Иллюстрацией этому может служить следующее дело. В 1748 г. Новокрещенская контора направила в Вятскую духовную консисторию промеморию, в которой просила прислать в Свияжск священников для принятия хлебного жалования. Руководство конторы опасалось, что «за долговременным в онбаре бытием *хлеб* (выделено мной) не слежался, не огорчал и не погнил и гадом не поеден был». В ответной промемории Вятская духовная консистория писала: «За дальним от Казани разстоянием, а иные за скудостью и за неимением к возке того хлеба лошадей отнюдь быть не могут» [28, л. 216 об.]. Таким образом, духовенство Вятской епархии не имело возможности регулярно принимать хлебное жалование, являвшееся в то время одним из главных источников существования. Вследствие этого оставался только один способ добывания пропитания: за счет новокрещенных прихожан.

Финансирование миссионерской деятельности – выдача денег на строительство храмов, их благоустройство, на небольшие подарки новопросвещенным, на поездки («подводы») духовенства – все это осуществлялось в основном за счет средств епархиальной казны. Экономическая составляющая православной миссии в синодальный период являлась одной из главных сторон процесса христианизации. Если прежде миссионерской деятельностью, как правило, занимались подвижники, монахи, то в XVIII – начале XX вв. эта сторона церковной жизни стала делом государственным. Разница очевидна: до XVIII в. численность новокрещенных была незначительной, они приписывались в основном к русским приходам, а отдельные миссионеры не требовали большого содержания. В синодальный период в результате массовой христианизации появляются новокрещенские приходы, требовавшие определенного содержания. Кроме того, государство взяло на себя обязательство выдавать денежные подарки новопросвещенным. Это была уже целая система миссионерской деятельности, и хозяином являлся тот, кто обеспечивал функционирование этой системы. В середине XVIII в. в пределах Вятско-Камского региона, очевидно, этим занимался вятский архиерейский дом.

Епархиальное руководство являлось распорядительным звеном миссии. Все акты миссионерской работы местное духовенство подтверждало не у руководства Новокрещенской конторы, а у вятского архиерея. Новокрещенская контора в свое время просила распоряжения правительства, чтобы местные архиереи не посвящали в новокрещенские приходы священников по своему усмотрению, без ведома конторы [12, с. 114]. Имеющиеся источники показывают, что духовенство назначалось по усмотрению Вятской епархии, а не Новокрещенской конторы.

Новокрещенская контора, как в целом миссия в годы правления императрицы Елизаветы Петровны, имела решающее значение в истории Русской Церкви и в судьбах народов Волго-Уральского региона. Со времен Крещения Руси такого массового приращения русского церковного общества, как это было в середине XVIII в., не было. Согласно ведомости Новокрещенской конторы, с 1741 по 1756 гг. в губерниях – Нижегородской, Оренбургской, Казанской, Воронежской, Московской – крещено было 412 962 человека [16, л. 206]. Церковный историк П. Знаменский приводил несколько иную цифру – 430 тыс. крещеных за те же годы [3, с. 36]. В суммарном объеме цифры разнятся не очень значительно. Если к этому прибавить данные за оставшиеся годы существования Новокрещенской конторы, то есть с 1757 по 1763 г., то получится следующая картина: в 1757 г. крещено было 5026 «иноверцев», 1758 г. –

5908, 1759 г. – 3804, 1760 г. – 2832, 1761 г. – 1333, 1762 г. – 135¹, 1763 г. – 242. Таким образом, с 1741 г., то есть с момента правления императрицы Елизаветы Петровны, когда развернулась массовая христианизация, до упразднения Новокрещенской конторы в Волго-Уральском регионе, было крещено (по данным, собранным Новокрещенской конторой) 432 242 «инородца». Можно с уверенностью утверждать, что Русская Церковь стала в этот период многонациональной и остается таковой по сей день.

Выявление точных данных о численности крещеных «инородцев», проживавших в пределах Вятской и Великопермской епархии, вызывает трудности. В середине XVIII в. границы епархиального и губернского ведомств не совпадали. Вятская и Великопермская епархия включала уезды Казанской и Оренбургской губернии, которые в ведомостях Новокрещенской конторы распределялись по губернскому, а не по епархиальному ведомству. Поэтому во избежание неточностей укажем численность новокрещеных, проживавших в Вятской провинции. Всего по провинции с 1741 по 1756 г. крещено 24 537 «инородцев» [16, л. 205–205 об.]. Данные по Вятской епархии неполные, так как часть приходов, находившихся в ведомстве вятского архиерейского дома, располагалась по Арской дороге, где крещено за тот же период 32 964 человека [16, л. 204].

Если говорить от имени народов Волго-Уральского региона, то нужно отметить, что период активного миссионерства существенно изменил, даже нарушил уклад жизни, веками складывавшийся у финских и тюркских народов. Значительно корректировались (хотя и полностью не заменялись) религиозные устои жизни, появлялись новые формы семейных отношений, основанных на христианском понимании брака, делался крупный шаг на сближение с русской культурой и формами быта. Таким образом, через Новокрещенскую контору новое государство-модерн расширило свою сферу влияния, охватывая новые слои населения. Русская Церковь приобрела почти полумиллионную паству, составленную из финских и тюркских народов. С этим феноменом неизбежно возникали трудности, но именно через них церковная история пополняется богатейшим опытом работы с «иноязычными» народами.

Для Вятско-Камского региона, как части Волго-Уральского, все эти процессы были характерны в такой же степени. Правда, вся эта структурная перестройка осуществлялась по большей части вятским епархиальным руководством, вложившим в дело развития миссии самый значительный вклад. В этом деле епархия опиралась главным образом на поддержку государства и посредничество Новокрещенской конторы.

Список литературы

1. Бехтерев В. Вотяки, их история и современное состояние. Бытовые и этнографические очерки // Вестник Европы. Т. 84. СПб., 1880. С. 621–654.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 10. Оп. 2. Д. 1274.
3. Знаменский П. Казанские татары. Казань : Типография Императорского Университета, 1910. 67 с.
4. Ислаев Ф. Г. Православные миссионеры в Поволжье. Казань : Татарское книжное издательство, 1999. 128 с.
5. Исхаков Р. Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань : Татарское книжное издательство, 2011. 222 с.
6. Крайсман Н. В. Миссионерская политика российского правительства в Среднем Поволжье в XVIII веке: историко-политический анализ : дис. ... канд. ист. наук: 23.00.01. Казань, 2006. 235 с.
7. Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб. : Типография М. П. Фроловой, 1899. 333 с.
8. Малов Е. О. Новокрещенской канторе. Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании казанской духовной академии 1878 г. // Православный собеседник. 1878. Ч. III.
9. Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 г. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М. : Общество истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1880. 261 с.
10. Никольский Н. В. Христианство среди чуваш среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1912. 416 с.
11. Орлов М. А. Влияние местных властей на процесс христианизации в Вятской и Великопермской епархии в XVIII веке // Христианское чтение. 2018. № 4. С. 231–237.
12. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1899.

¹ Данные имеются только за первую половину года. Вряд ли стоит думать, что во вторую половину численность новокрещеных значительно возросла, если учитывать при этом динамику последних лет существования Новокрещенской конторы.

13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 22. Д. 611.
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 31.
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 337.
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 26. Д. 169.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 242.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 31. Д. 205.
19. РГИА. Ф. 796. Оп. 60. Д. 29.
20. Слезкин Ю. Л. Естествоиспытатели и нации: русские ученые и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М. : Новое издательство, 2005. С. 120–154.
21. Фармаковский Игнатий, свящ. Материалы для истории Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. Отдел духовно-литературный. 1863. № 5. С. 146–152.
22. Центральный Государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 237. Оп. 1. Д. 1.
23. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 3.
24. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 10.
25. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 4.
26. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 4а.
27. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 9.
28. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 10.
29. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 13.
30. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 77.
31. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 152а.
32. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 156.
33. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 250.
34. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 373.
35. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 128.
36. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 131.
37. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 135.
38. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 136.
39. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 287.
40. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 294.
41. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 320.
42. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 492.
43. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 522.
44. Юзефович Б. М. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1883. 64 с.
45. Юрганова И. И. Христианизация и исполнение православной обрядности на восточных окраинах Российской империи (вторая половина XVIII века) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 6. С. 34–43.
46. Werth Paul W. (Paul William). At the margins of orthodoxy: mission, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. Ithaca, London, 2002. 275 p.

Influence of the Novokreschenskaya Office on missionary activity within the Vyatka and Velikopermskaya dioceses

Orlov Maxim Alexandrovich

PhD in Historical Sciences, St. Petersburg Lyceum.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. In the history of Russia of the XVIII century. Novokreschenskaya office occupies a special place. On the one hand, it was a church administration body created for the organized conduct of missionary activities in the Volga-Ural region. On the other hand, the Novokreschenskaya Office was a unique project for managing the peoples of the specified region within the framework of the emerging Russian Empire. The process of formation of a multi-confessional empire began after the conquest of the Kazan Khanate by Ivan the Terrible. The inclusion of the peoples of the Volga region and the Urals into the all-Russian legal and cultural space required not only administrative measures and the development of economic ties, but also educational work, the Christianization of the non-Russian population of a large multi-ethnic region. The creation of the Novokreschenskaya office and active missionary activity increased the number of the Orthodox population of the Russian Empire. This was a significant step towards bringing the Slavs closer to the Finnish and Turkic peoples of the Volga-Ural region. Similar processes were carried out within the Vyatka-Kama region. At the same time, the missionaries of the Vyatka and Velikopermskaya dioceses acted quite independently from the Novokreschenskaya office. In

many cases, the organization of the New Baptismal parishes and the financial support of the mission were carried out by the forces of the Vyatka diocesan leadership. The influence of the Novokreschenskaya office on the course of missionary activity within the Vyatka diocese was expressed in the arrival of missionaries, the sending of church utensils and the general organization of the mission.

Keywords: Novokreschenskaya office, Vyatka, mission, Christianization, Vyatka-Kama region.

References

1. Bekhterev V. *Votyaki, ih istoriya i sovremennoe sostoyanie. Bytovye i etnograficheskie ocherki* [Votyaki, their history and current state. Everyday and ethnographic essays] // *Vestnik Evropy* – Herald of Europe. Vol. 84. SPb. 1880. Pp. 621–654.
2. State Archive of the Republic of Tatarstan (SART). F. 10. Inv. 2. File 1274.
3. Znamenskij P. *Kazanskije tatory* [Kazan Tatars]. Kazan. Imperial University Printing House. 1910. 67 p.
4. Islaev F. G. *Pravoslavnye missionery v Povolzh'e* [Orthodox missionaries in the Volga region]. Kazan. Tatar Book Publishing House. 1999. 128 p.
5. Iskhakov R. R. *Missionerstvo i musul'mane Volgo-Kam'ya (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.)* [Missionary work and Muslims of the Volga-Kama region (the last third of the XVIII – early XX century)]. Kazan. Tatar Book Publishing House. 2011. 222 p.
6. Krajsman N. V. *Missionerskaya politika rossijskogo pravitel'stva v Srednem Povolzh'e v XVIII veke: istoriko-politicheskij analiz : dis. ... kand. ist. nauk: 23.00.01* [The missionary policy of the Russian government in the Middle Volga region in the XVIII century: historical and political analysis : dis. ... PhD in Historical Sciences: 23.00.01]. Kazan. 2006. 235 p.
7. Luppov P. N. *Hristianstvo u votyakov so vremeni pervyh istoricheskikh izvestij o nih do XIX veka* [Christianity among the Votyaks from the time of the first historical news about them to the XIX century]. SPb. Printing house of M. P. Frolova. 1899. 333 p.
8. Malov E. O. *Novokreshchenskoj kantore. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom godichnom sobranii kazanskoj duhovnoj akademii 1878 g.* [Novokreschenskaya cantore. Speech delivered at the solemn annual meeting of the Kazan Theological Academy in 1878] // *Pravoslavnyj sobesednik* – Orthodox interlocutor. 1878. Part III.
9. Mozharovskij A. *Azlozhenie hoda missionerskogo dela po prosveshcheniyu kazanskih inorodcev s 1552 po 1867 g.* [Presentation of the course of the missionary work on the enlightenment of Kazan foreigners from 1552 to 1867] // *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej Rossijskikh* – Readings in the Imperial Society of History and Antiquities of Russia. M. Society of History and Antiquities of Russia. at Moscow University. 1880. 261 p.
10. Nikol'skij N. V. *Hristianstvo sredi chuvash srednego Povolzh'ya v XVI–XVIII vekah. Istoricheskij ocherk* [Christianity among the Chuvash of the Middle Volga region in the XVI–XVIII centuries. Historical essay]. Kazan. Tipol. of Imperial University. 1912. 416 p.
11. Orlov M. A. *Vliyanie mestnyh vlastej na process hristianizacii v Vyatskoj i Velikopermskoj eparhii v XVIII veke* [The influence of local authorities on the process of Christianization in the Vyatka and Velikopermskaya dioceses in the XVIII century] // *Hristianskoe chtenie* – Christian reading. 2018. No. 4. Pp. 231–237.
12. *Polnoe sobranie postanovlenij i rasporyazhenij po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossijskoj imperii. Carstvovanie imperatricy Elizavety Petrovny* – The complete collection of resolutions and orders on the Department of the Orthodox confession of the Russian Empire. The reign of Empress Elizabeth Petrovna. SPb. 1899.
13. Russian State Historical Archive (RSHA). F. 796. Inv. 22. File 611.
14. RSHA. F. 796. Inv. 23. File 31.
15. RSHA. F. 796. Inv. 25. File 337.
16. RSHA. F. 796. Inv. 26. File 169.
17. RSHA. F. 796. Inv. 28. File 242.
18. RSHA. F. 796. Inv. 31. File 205.
19. RSHA. F. 796. Inv. 60. File 29.
20. Slezkin Yu. L. *Estestvoispytateli i nacii: russkie uchenye i problema etnicheskogo mnogoobraziya* [Naturalists and nations: Russian scientists and the problem of ethnic diversity] // *Rossijskaya imperiya v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednih let : antologiya* – The Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years : anthology / comp. P. Vert, P. S. Kabytov, A. I. Miller. M. New Publishing House. 2005. Pp. 120–154.
21. *Farmakovskij Ignatius, priest. Materialy dlya istorii Vyatskoj eparhii* [Materials for the history of the Vyatka Diocese] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti. Otdel duhovno-literaturnyj* – Vyatka diocesan Gazette. Department of spiritual and literary. 1863. No. 5. Pp. 146–152.
22. Central State Archive of Kirov region (CSAKR). F. 237. Inv. 1. File 1.
23. CSAKR. F. 237. Inv. 1. File 3.
24. CSAKR. F. 237. Inv. 1. File 10.
25. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 4.
26. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 4a.
27. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 9.
28. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 10.

29. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 13.
30. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 77.
31. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 152a.
32. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 156.
33. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 250.
34. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 373.
35. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 128.
36. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 131.
37. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 135.
38. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 136.
39. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 287.
40. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 294.
41. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 320.
42. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 492.
43. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 522.
44. *Yuzefovich B. M. Hristianstvo, magometanstvo i yazychestvo v vostochnyh guberniyah Rossii* [Christianity, Mohammedanism and paganism in the eastern provinces of Russia]. SPb. Typ. of A. Tranchel. 1883. 64 p.
45. *Yurganova I. I. Hristianizaciya i ispolnenie pravoslavnoj obryadnosti na vostochnyh okrainah Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XVIII veka)* [Christianization and performance of Orthodox rites on the eastern outskirts of the Russian Empire (the second half of the XVIII century)] // *Gumanitarnyj vektor – Humanitarian vector*. 2020. Vol. 15. No. 6. Pp. 34–43.
46. *Werth Paul W. (Paul William). At the margins of orthodoxy: mission, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905*. Ithaca, London, 2002. 275 p.